

За рѣшеткой.

(Изъ тюремныхъ воспоминаній конца прошлаго вѣка).

V¹).

Прогулки арестантовъ подслѣдственнаго отдѣленія происходили на тюремномъ дворѣ, подъ самыми окнами этого отдѣленія. Тюремный дворъ былъ вымощенъ крупнымъ булыжникомъ, а потому прогулки представляли арестантамъ мало удовольствія, въ особенности въ жару, когда приходилось ходить взадъ и впередъ подъ палящими лучами солнца. Подслѣдственные арестанты гуляли въ одиночку или покамерно (въ томъ случаѣ, если, напр., въ одной камерѣ сидѣло двое—трое лицъ), что, однако, не препятствовало гуляющимъ перекидываться словами съ остальными своими товарищами—подслѣдственниками, всегда торчавшими въ окнахъ во время прогулокъ. Надзиратель, наблюдающій за гуляющими, замѣчая переговоры, обыкновенно, строгимъ голосомъ кричитъ: „не переговариваться, а то на прогулку не буду пускать! Но арестанты мало обращаютъ вниманія на такія угрозы, ибо и приведеніе ихъ въ исполненіе не особенно пугаетъ заключенныхъ, такъ какъ такими прогулками они мало дорожатъ. Вообще переговоры между гуляющими и сидящими въ камерахъ постоянно велись, но при мнѣ за это не было ни одного случая лишенія прогулки или примѣненія какого-либо другаго наказанія.

Первую недѣлю меня не выпускали на прогулку: смотритель сомнѣвался въ своемъ правѣ самолично разрѣшить мнѣ ее, но потомъ, по сношеніи съ „полковникомъ“, мнѣ были

¹) См. „Русская Старина“, январь 1915 г.

разрѣшены прогулки наравнѣ съ уголовными арестантами: разумѣется, я, какъ сидѣвшій въ одиночной камерѣ, и гулялъ одинъ.

Непомнящему тоже долгое время не разрѣшали пользоваться прогулками, вѣроятно, все въ наказаніе за то, что онъ сопротивлялся снятію съ него фотографической карточки; но впоследствии по отношенію къ нему гнѣвъ былъ переложень на милость: его тоже стали выпускать на прогулку.

— Преображенскій! пойдешь сегодня на прогулку? раздается въ корридорѣ строгій голосъ надзирателя Фролова, человѣка съ сердитымъ и раздражительнымъ характеромъ, относившагося начальнически къ арестантамъ.

— Пойду! Но только зачѣмъ ты меня называешь Преображенскимъ, когда меня зовутъ Антоніемъ Непомнящимъ?

— Ну, не разговаривай много, выходи на прогулку!

Слышится звукъ отпираемаго дверного засова, и Непомнящій выходитъ на дворъ и мелкою воробыною походкою начинаетъ ходить отъ одного угла зданія до другого, громко лязгая своими двѣнадцати-фунтовыми „петровскими“ кандалами.

— А, пожалуй, далеко бы ты сегодня ушелъ, Преображенскій, ежели бы тебя выпустить на волю? съ усмѣшкой произнесъ надзиратель, наблюдавшій за гуляющими арестантами.

— Въ этихъ браслетахъ, братъ, далеко не уйдешь! отвѣчалъ Непомнящій, бросая взоръ на свои „петровскіе“ кандалы.

— Ты, старикъ, не умѣешь носить кандаловъ? тебѣ нужно хорошенько подтянуть ихъ бечевкой, тогда они не будутъ такъ лязгать, да и ходить тебѣ куда легче будетъ! дѣловито замѣтилъ другой надзиратель, стоявшій на часахъ снаружи слѣдственнаго отдѣленія.

— Первый разъ въ жизни ношу эту музыку! Спасибо вотъ вашему смотрителю! по его приказанію надѣли ее мнѣ! раздражительно заговорилъ Непомнящій. Худого я, кажется, ничего не сдѣлалъ? зачѣмъ же мучить человѣка? Мужика я, дѣйствительно, убилъ—отъ этого не отпираюсь; но убилъ я его, обороняясь отъ смерти. Ежели бы я его не ударилъ ножикомъ, все равно мнѣ не бывать бы живому: онъ задушилъ бы меня!

— Кандалы надѣли на тебя зато, пояснилъ надзиратель, что ты не далъ снять съ себя карточки и еще за то, что ты скрываешь свое настоящее имя: называешься „Непомнящимъ“. Напоминаніе о карточкѣ опять сильно взволновало Непомнящаго, и онъ съ гнѣвомъ произнесъ: „Карточки я не далъ съ себя снять и не дамъ ни за что! пусть хоть убьютъ меня за

это! съ мертваго развѣ только снимуть, а съ живого не удастся имъ снять!

— Преображенскій, пора „домой!“ произнесъ надзиратель.

— Повремени немножко, дай еще маленько походить; видишь, какъ я зачерствѣлъ, сидѣвши у васъ?

— Пора, пора „домой!“ торопилъ надзиратель. Другихъ нужно выпускать на прогулку.

Непомнящій, тяжело вздыхая, направляется въ свою камеру.

VI.

Въ нашемъ отдѣленіи въ званіи „арестанскаго старосты“ состоитъ старикъ-эстонецъ, о которомъ я уже упоминалъ выше.

Старикъ этотъ имѣлъ такой добродушный видъ, что, глядя на него, невольно возникалъ вопросъ: „За что же онъ попалъ въ тюрьму? какое такое преступленіе совершилъ этотъ человѣкъ, который, казалось, и мухи обидѣть не въ состояніи?“

Всѣ арестанты, надзиратели, а также и самъ смотритель звали старика „дѣдомъ“. По-русски „дѣдъ“ говорилъ крайне плохо, ужасно коверкая слова и пропуская въ нихъ цѣлыя слоги, особенно такіе, въ которыхъ встрѣчались три согласныхъ буквы кряду. Лишь нѣсколько привыкнувъ къ его разговору, можно было съ грѣхомъ пополамъ понимать его рѣчь. Напримѣръ вмѣсто „кипятокъ“, онъ говорилъ „пятокъ“, вмѣсто „скрипки“—„рипка“ („у тарика рипка короша есть!“ говорилъ онъ про скрипку „Антонія Непомнящаго“).

Помимо раздачи арестантамъ кипятка и пищи, на обязанности „дѣда“ лежитъ содержаніе въ чистотѣ помѣщенія, занимаемаго подслѣдственнымъ отдѣленіемъ. „Дѣдъ“ почти цѣлый день занятъ дѣломъ: мететь, скребеть, моетъ, чиститъ. Свободное отъ работы время онъ проводитъ въ отхожемъ мѣстѣ, которое такимъ образомъ служитъ ему какъ бы кабинетомъ. Въ нужникѣ онъ, по обыкновенію, сидя на чурбанѣ, замѣняющемъ ему кресло, читаетъ по складамъ на распѣвъ свой истрепанный лютеранскій молитвенникъ, или же полеживааетъ тамъ на полу на грудѣ арестантскихъ постелей, которыя на день убираются въ отхожее мѣсто, если камеры подслѣдственнаго отдѣленія не всѣ заняты, то постели складываются на день въ одну изъ свободныхъ камеръ.

— За что тебя, „дѣдъ“, посадили въ тюрьму? какъ-то спросилъ я своего старосту послѣ того, какъ познакомился съ нимъ поближе, а познакомиться съ нимъ я могъ хорошо, такъ какъ

онъ, по приказанію смотрителя, съ перваго же дня моего поступленія въ тюрьму, сталъ оказывать мнѣ нѣкоторыя услуги (напр. приносить и выносить парашу, мыть посуду и прочіе); за что я, разумѣется, расплачивался съ нимъ продуктами, чаемъ, сахаромъ, остатками обѣда и проч.

— Земска шальника садила меня на цѣли шести мѣсяци! грустно, съ тяжкимъ вздохомъ, отвѣчалъ „дѣда“. Парина просила садить...

— За что же баринъ просилъ посадить тебя?

— Яплоня у него крада Лешка и Васька.

— Какже такъ вышло, что Лешка и Васька украли у барина яблоки, а тебя въ тюрьму посадили?

— На меня паринъ казалъ. Русска каварить не мѣю, потому и садила земска шальника...

Только путемъ долгаго и утомительнаго разспроса удалось установить, что какіе-то парни Лешка и Васька украли, вырыли изъ помѣщичьяго сада молоденькія яблони, а баринъ въ совершеніи этой кражи почему-то заподозрилъ „дѣда“, но такъ какъ послѣдній на судѣ, вслѣдствіе плохого знанія русскаго языка, ничего толкомъ не могъ сказать въ свое оправданіе, словомъ, не въ состояніи былъ выяснить свою невиновность, то земскій начальникъ, въ угоду помѣщику, и приговорилъ „дѣда“ къ заключенію въ тюрьмѣ на полгода.

— Не крада, а вотъ сиди тутъ! печально заключилъ „дѣда“. Равды нѣту...

VIII.

Въ концѣ іюня вечеромъ въ наше отдѣленіе привели пять новыхъ арестантовъ, закованныхъ въ кандалы.

„Ротныхъ привели! ротныхъ привели!“ слышалось въ корридорѣ. „Ротными“, для краткости, называютъ арестантовъ, отбывающихъ наказанія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, называемыхъ по-просту „арестантскими ротами“. Вновь прибывшіе къ намъ квартиранты были молодые парни—латыши, самому старшему изъ нихъ было не болѣе 30 лѣтъ. Обвинялись они, какъ я тотчасъ же узналъ отъ надзирателей, въ побѣгъ и въ покушеніи на убійство тюремнаго надзирателя. По рассказамъ, дѣло произошло такъ. Шестеро „ротныхъ“, подъ конвоемъ одного надзирателя, были отправлены изъ тюрьмы за городъ для доставленія пищи своимъ товарищамъ, работавшимъ на сѣнокосѣ. Изъ шести арестантовъ пятеро было латышей и одинъ русскій. Вотъ эти-то пятеро латышей, пользуясь

тѣмъ, что сопровождавшій ихъ надзиратель не зналъ латышскаго языка, дорогой, сговорились бѣжать; а чтобы привести свое намѣреніе въ исполненіе, имъ нужно было отдѣлаться отъ конвоира-надзирателя. Старшій лѣтами арестантъ незамѣтно подхватилъ съ земли увѣсистый камень, которымъ, уловивъ удобную минуту, оглушилъ надзирателя, ударивъ его два раза по головѣ. Надзиратель замертво упалъ на землю. Арестанты-латыши взяли отъ него револьверъ, часы и побѣжали; шестой же арестантъ, русскій, въ сговорѣ не участвовавшій, побѣжалъ въ ближайшую желѣзнодорожную будку (дѣло это происходило не вдалекѣ отъ линіи желѣзной дороги), чтобы заявить о случившемся, но, не найдя никого въ будкѣ, вернулся на то мѣсто, гдѣ лежалъ на землѣ оглушенный надзиратель; послѣдній, когда къ нему подошелъ возвратившійся арестантъ, уже пришелъ въ себя, хотя продолжалъ еще лежать на землѣ.

— Что со мной случилось? спросилъ надзиратель арестанта. Послѣдній все рассказалъ.

Въ головѣ у надзирателя шумѣло и чувствовалась въ ней сильная боль, такъ что пускаться въ погоню за убѣжавшими арестантами онъ былъ не въ силахъ. Съ трудомъ дотащился онъ до тюрьмы, гдѣ и заявилъ своему начальству о происшедшемъ.

Бѣглецамъ, впрочемъ, не долго пришлось погулять на волѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда ночей почти нѣтъ, кучкѣ бѣглыхъ арестантовъ, одѣтыхъ въ казенное платье, очень трудно было скрываться долгое время, не будучи замѣченной; а потому не прошло и двухъ недѣль, какъ всѣ бѣглецы были пойманы полиціей. Они успѣли отойти только 80 верстъ отъ мѣста происшествія. Днемъ имъ приходилось скрываться въ лѣсу, въ кустахъ, а въ коротенькую ночь они успѣвали пройти верстъ десять, не больше. Будь дѣло подъ осень, бѣглецы въ 3—4 ночи могли бы пройти сто и болѣе верстъ и, несомнѣнно, тогда ихъ не такъ скоро удалось бы изловить.

„Вотъ этотъ былъ за атамана!“ съ ироническою улыбкою произнесъ дежурный надзиратель Никитинъ, обращаясь ко мнѣ и указывая рукою на одного изъ „ротныхъ“, которому „дѣдъ“ наливалъ изъ ушата варку.

„Атаманъ“ былъ молодой человекъ лѣтъ 28—30, съ красивымъ, умнымъ, можно сказать, интеллигентнымъ лицомъ, обрамленнымъ небольшою окладистою свѣтло-русою бородкою; голубые глаза его смотрѣли такъ открыто, пріятно и довѣрчиво, что какъ-то не вѣрилось, что этотъ красавецъ, обладавшій та-

кими чудными, невинными глазами,—рецидивистъ-конокрадъ, приговоренный къ 4 годамъ арестантскихъ ротъ и, въ добавокъ, совершившій еще новое серьезное преступленіе — покушеніе на убійство конвоира.

— А здорово достанется вамъ, ребята? добавилъ надзиратель, обращаясь къ „атаману“.

— Сошлуть въ Сибирь на поселеніе, а больше что же могутъ сдѣлать намъ,—спокойно отвѣчалъ „атаманъ“. Если бы надзирателя мы убили, ну тогда, разумѣется, бывать бы намъ на каторгѣ, а то вѣдь онъ живъ остался, да, мы совсѣмъ и не думали его убивать, а хотѣли только оглушить его!

„Атаманъ“ говорилъ замѣчательно чистымъ русскимъ языкомъ, безъ малѣйшихъ признаковъ акцента, что меня не мало удивило.

— Вы грамотный? спросилъ я „атамана“.

— Грамотный! По-латышски и по-русски знаю читать и писать. Вотъ нѣтъ ли у васъ чего-нибудь почитать? Такъ безъ всякаго занятія скучно сидѣть здѣсь...

Я пообѣщаль „атаману“ дать ему книжечку, какія у меня найдутся.

Весь этотъ разговоръ происходилъ въ корридорѣ нашего отдѣленія во время раздачи пищи, когда всѣ камеры были отперты и заключенные по очереди подходили къ „дѣду“, который наливалъ имъ изъ ушата въ подставляемые жбаны арестантскую варку.

„Атаманъ“ - красавецъ, съ которымъ я только-что завелъ знакомство, сидѣлъ по сосѣдству со мной—въ десятой камерѣ, самой послѣдней отъ входа, находившейся рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ, отъ котораго въ жаркое лѣтнее время исходило сильное зловоніе. Помню хорошо, какъ въ одну душную июльскую ночь производили у насъ очистку нужника и у меня буквально запирало дыханіе отъ ужаснѣйшаго зловонія и моментами мутило, дѣлались спазмы въ горлѣ... Это была своего рода пытка даже для меня, не обладавшаго тонкимъ обоняніемъ.

Познакомившись поближе съ „атаманомъ“, я сталъ снабжать его имѣвшимися у меня брошюрками, просовывая ихъ въ „глазокъ“ въ то время, когда меня выпускали за чѣмъ-либо въ корридоръ. Дежурные надзиратели хотя и замѣчали иногда, какъ я передавалъ „атаману“ книжонки, но смотрѣли на это сквозь пальцы и никакихъ замѣчаній мнѣ не дѣлали, только мой пріятель Петровъ однажды предупредилъ меня: „книжки-то ротному“ вы давайте, это ничего, но

только скажите ему, чтобы онъ хорошенько пряталъ ихъ въ камерѣ, а то при обходѣ онѣ какъ разъ могутъ попасться на глаза старшему, либо самому смотрителю, тогда намъ выговоръ сдѣлаютъ, да и вамъ неприятность будетъ!”

Скоро вся тюрьма узнала, что у меня есть книжки, и чрезъ „дѣда“ даже срочные арестанты, сидѣвшіе въ отдѣльномъ корпусѣ, стали обращаться ко мнѣ съ просьбами „дать имъ что-нибудь почитать“.

По возможности, я старался удовлетворять такія просьбы. Прочитанныя книжки хотя и возвращались мнѣ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я не досчитывалъ листовъ. Несомнѣнно, эти исчезнувшіе листы были употреблены на цыгарки. Вообще въ тюрьмѣ, какъ я замѣтилъ, арестанты крайне нуждались въ бумагѣ для „самокрутокъ“, „козлиныхъ ножекъ“, и потому не удивительно, что нѣкоторые изъ нихъ не могли устоять передъ соблазномъ вынуть изъ прочитанной брошюрки нѣсколько листовъ „на куревѣ“.

Затѣмъ, отъ одного подслѣдственнаго арестанта, носившаго фамилію Срѣтенскаго и происходившаго изъ духовнаго званія, я сталъ получать записки, заключавшія въ себѣ просьбу объ удѣленіи ему чаю, сахару, булокъ. По мѣрѣ силъ, я удовлетворялъ его просьбы, за что получалъ отъ него письменныя благодарности, которыя онъ, какъ и просительныя записки, просовывалъ въ дверной глазокъ. Впослѣдствіи я узналъ отъ надзирателя Петрова, что Срѣтенскій раньше служилъ въ этой же тюрьмѣ писаремъ, а теперь вотъ сидитъ въ ней въ качествѣ арестанта.

— За что же Срѣтенскій посаженъ? спросилъ я у Петрова.

— А лѣшій его знаетъ, за что онъ попалъ сюда? Самъ-то онъ скрываетъ, отмалчивается, совѣстно, вѣрно, признаться, а люди говорятъ, будто онъ церковную кружку разломалъ „съ пьяныхъ глазъ“, а въ кружкѣ-то оказалось только нѣсколько копеекъ, такъ что и на похмелье ему мало было.

VIII.

Произошелъ большой переполохъ.

Двое „ротныхъ“, сидѣвшіе въ одиночкахъ по сосѣдству другъ съ другомъ, долбили въ стѣнѣ около печки дыру, чтобы имѣть возможность сообщаться между собою и вести постоянныя бесѣды. Эту работу они производили ножами съ двухъ сторонъ, т. е. вели ее такъ, какъ проводятъ тоннели въ горахъ.

Дежурный надзиратель, замѣтившій работу „ротныхъ“, доложилъ, разумѣется, о сдѣланномъ открытіи смотрителю, и тотъ явился на мѣсто происшествія въ разсвирепѣвшемъ, гнѣвномъ видѣ.

— Ахъ вы, мерзавцы! прохвосты! сукины дѣти! набросился смотритель на ротныхъ. Говорите, гдѣ ножи достали?

„Ротные“ начали-было объясняться на скверномъ русскомъ языкѣ, но это только усилило гнѣвъ смотрителя. „Заморю въ карцерѣ, негодяевъ!“ съ бѣшенствомъ кричалъ онъ, стуча немилосердно своею камышевою тростью по нарѣ.

„Ротныхъ“ двое сутокъ продержали въ карцерѣ.

— А что хорошо въ карцерѣ? шутливо спросилъ ротныхъ надзиратель Фроловъ, когда тѣхъ привели обратно въ камеры.

— Шиста бѣда! грустнымъ тономъ отвѣчали они въ одинъ голосъ. Темно, спать на голи камени полъ, нара нѣтъ, коротка, нога витянуть нельзя, кушать даютъ одинъ хлѣбъ и вода, помирать можно, ешело долга сидѣть! Охъ, какъ плохо въ карцерѣ! со вздохомъ заключили „ротные“.

— Лѣтомъ еще сполагоря въ карцерѣ сидѣть! проговорилъ надзиратель. Вотъзимой бы васъ посадили туда, такъ узнали бы кузькину мать! Прямо изъ карцера въ больницу пришлось бы васъ отводить. Прошлой зимой одного арестанта продержали въ карцерѣ цѣлую недѣлю, такъ оттуда его на рукахъ перенесли въ больницу.

IX.

— Преображенскій! собирайся въ отпавку! раздавался въ нашемъ корридорѣ зычный голосъ „старшаго“.

„Непомнящій“ извѣстіе это встрѣтилъ съ чисто дѣтскою радостью.

— Слава Богу, мученія мои тутъ кончились! радостно воскликнулъ онъ.

Арестанты вообще склонны радоваться всякой перемѣнѣ, не ухудшающей ихъ положенія; они радуются не только освобожденію изъ тюрьмы, что, разумѣется, понятно, но даже простому передвиженію изъ одного мѣста заключенія въ другое. Продолжительная тюремная жизнь наскучиваетъ своимъ однообразіемъ даже „шпанѣ“, проводящей большую часть своей жизни въ стѣнахъ тюрьмы, и потому не мудрено, что арестантъ радуется всякому даже маленькому событію, приносящему но-

вья впечатлѣнія, какъ-бы они ничтожны и незначительны не были.

Гакъ радовался наступившей перемиѣ въ его тюремной жизни и „Антоній Непомнящій“.

— Теперь, значить, меня поведутъ въ Казань „на улику“! ликоваль онъ. Слава Богу, опять тамъ буду жить, а то здѣсь меня совсѣмъ замучили... Съ живого человѣка карточку хотѣли снять—думать нужно!..

— Ну, старикъ, оставь болтать! строго замѣтилъ старшій, перебивая радостную рѣчь Непомнящаго.

— Я, Павелъ Павлычъ, истинную правду говорю! убѣжденно произнесъ Непомнящій. Понапрасну меня здѣсь тиранили, кандалы надѣли, да еще замагнитизировать хотѣли!

— Что ты, дуракъ, ерунду пѣтешь? съ сердцемъ проговорилъ старшій. Никакъ ты и впрямь сумасшедшій?

— Прикидывается, скотина, полоумнымъ! произнесъ про себя старшій, отходя отъ камеры Непомнящаго. Я бы тебя „намагнитилъ“ „березовой кашей“, такъ ты у меня развязалъ бы языкъ, сказалъ бы, небось, кто ты такой, а не назывался бы Непомнящимъ!

Х.

Опять у насъ произошло „событiе“, надѣлавшее шуму. „Дѣдъ“, стирая пыль съ абажура висячей корридорной лампы, по неосторожности, разбилъ ламповое стекло, стоящее не больше гривенника. Однако, объ этомъ чрезвычайномъ происшествiи доложили смотрителю, немедленно прибывшему на мѣсто преступленiя и накинувшемуся на „дѣда“, дрожавшаго, какъ осинный листъ.

— Ахъ, ты старая скотина! гнѣвно кричалъ смотритель. Я тебя научу, мерзавца, какъ обращаться съ казенными вещами! Отправьте его, прохвоста, въ карцеръ на трое сутокъ! заключилъ смотритель, обращаясь къ старшему.

„Дѣдъ“, немилосердно коверкая русскiя слова, со слезами на глазахъ, жалобнымъ голосомъ умолялъ: „Ваше бляроди! пишалуста сапайте миня карцеръ!“

Смотритель улыбнулся и шутливо произнесъ: „Вотъ дуралей, самъ просится въ карцеръ! На этотъ разъ плохое знанiе русскаго языка спасло „дѣда“ отъ карцера: гнѣвъ былъ переложень на милость!“

XI.

Къ намъ прибылъ еще новый постоялецъ, корявый, лѣтъ 30 парень, со смѣшнымъ короткимъ, вздернутымъ носомъ и добродушнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ.

— Гришка корявый, ты опять къ намъ явился? такими словами встрѣтилъ прибытіе этого арестанта надзиратель Фроловъ. Не долго же ты погулялъ на волѣ! продолжалъ Фроловъ. Небось, и двухъ недѣль не прошло, какъ ты вышелъ отсюда въ послѣдней разъ?

— Ничего не подѣлаешь, Иванъ Фроловичъ, со вздохомъ произнесъ арестантъ, люди подвели, оговорили...

— Тебя, братъ, все люди подводятъ! насмѣшливо сказалъ надзиратель. Бить тебя надо—вотъ что! Постоянно ты попадаешься въ пустякахъ: украдешь на какой-нибудь полтинникъ, цѣлковый и то концовъ не съумѣешь спрятать! Горевый ты воръ! По моему разсужденію укралъ ты двѣ-три сотни, такъ, по крайней мѣрѣ, погулять есть на что! Ежели и попадешься, такъ знаешь хоть за что сидѣть будешь! Да и изъ тюрьмы выйдешь, можетъ, не съ пустыми руками: все что-нибудь останется отъ прежняго заработка! Небось, и теперь посадили тебя за какую-нибудь пустую, глупую, кражу?

— Говорятъ, будто я самоваръ укралъ на пожарѣ, когда горѣлъ домъ Калашникова.

— Ну я и угадалъ, что опять ты въ пустякахъ попался! Дѣло-то оно пустое, грошовое, а сидѣть-то тебѣ придется, надо полагать, долго, потому что за кражу на пожарѣ судятъ вдвое строже! Еще какъ разъ въ роты угодишь? Эхъ, ты глупая голова, когда-то ты наберешься ума! наставительно закончилъ Фроловъ.

„Глупая голова“, тяжело вздохнувъ, молчала, какъ-бы вполнѣ соглашаясь съ разсужденіями надзирателя.

XII.

Однажды въ сумерки, уже послѣ повѣрки, когда я прохаживался по своей камерѣ, погруженный въ думы, въ волчій „глазокъ“ чья-то невидимая рука просунула свернутую бумажку, упавшую на полъ. Я поднялъ ее, развернулъ и прочиталъ слѣдующее:

Многоуважаемый N N.

Съ первыхъ же дней вашего поступленія въ тюрьму, вы понравились мнѣ за ваши рѣчи, за ваше обхожденіе. Вы открыли мнѣ много новаго, чего я, можетъ быть, не узналъ бы

во всю свою жизнь. Тюремная служба мнѣ опротивѣла, и я сильно желаю уйти отсюда. Не поможете ли вы мнѣ въ этомъ? У васъ, вѣроятно, есть на волѣ хорошіе знакомые, у которыхъ, можетъ, найдется для меня какое-нибудь мѣсто, хотя бы съ маленькимъ жалованьемъ. Я хотѣлъ бы уѣхать совсѣмъ изъ этого города: тутъ мнѣ все надоѣло. Какая-то сила тянетъ меня въ чужіе края. Были бы деньги, я, кажется, уѣхалъ бы на край свѣта, только бы не болтаться здѣсь. Самъ не знаю, что со мной творится. Пожалуйста, напишите мнѣ отвѣтъ на этомъ же письмѣ. Посылаю вамъ карандашъ, который можете оставить у себя.

Уважающій васъ надзиратель Иванъ Соловьевъ.

Авторъ этого письма уже раньше обращалъ на себя мое вниманіе. Это былъ молодой человекъ лѣтъ 26—27, сосредоточенный, задумчивый. Со всѣми арестантами онъ обращался мягко, спокойно, никогда не кричалъ на нихъ, не ругался, какъ это нерѣдко дѣлали другіе надзиратели.

На полученное письмо я, разумѣется, отвѣтилъ и, кромѣ того, написалъ письмо къ одному близкому знакомому съ просьбою пристроить, если представится возможность, просителя къ подходящему мѣсту и передалъ это письмо ему.

XIII.

Тюремные надзиратели въ сильномъ возбужденіи: смотритель получилъ отъ высшаго тюремнаго начальства циркуляръ о томъ, чтобы должности надзирателей предпочтительно замѣщать нижними чинами, уже вышедшими изъ запаса, т. е. получившими отставку.

Возбужденіе противъ этого циркуляра усиливалось еще тѣмъ, что неизвѣстно было, оставлять ли на службѣ теперешнихъ надзирателей, поголовно состоявшихъ изъ запасныхъ солдатъ, или же постепенно всѣхъ ихъ замѣнять отставными солдатами.

— Что же это такое съ нашимъ братомъ хотятъ дѣлать? горячились даже самые спокойные изъ надзирателей. Значитъ, намъ теперь остается одно—взять дубину въ руки и идти подъ мостъ!.. Ежели бы я былъ грамотный, одного дня не сталъ бы здѣсь служить,—со вздохомъ сказалъ надзиратель Никитинъ. Я скоро нашелъ бы себѣ мѣсто, а безъ грамоты, поневолѣ, приходится держаться и теперешняго мѣста.

XIV.

Наконецъ и мнѣ объявили, что сегодня съ поѣздомъ, отходящимъ въ 12 час. ночи, меня отправятъ въ Петербургъ. Я не зналъ, что меня ожидаетъ впереди, но я, подобно „Антонію Непоминающему“, радовался предстоящей переменѣ мѣста.

Въ ожиданіи отправки я испытывалъ сильное душевное волненіе и находился въ проподнятомъ, первомъ состояніи.

Остатки своихъ продуктовъ (чай, сахаръ, булки, колбасу) я роздалъ арестантамъ, „дѣду“ же подарилъ на память чайный приборъ, чѣмъ онъ былъ очень тронутъ и со слезами на глазахъ выражалъ мнѣ свои пожеланія всего лучшаго. „Шелаю вамъ сево корошава, ви за равду терпите!“ душевно говорилъ онъ мнѣ, крѣпко пожимая мою руку.

Въ 11 час. ночи за мной явилось двое простыхъ жандармовъ, тѣхъ самыхъ, которые находились при моемъ обыскѣ, арестѣ и отправкѣ въ тюрьму. Покидая камеру, въ которой я такъ много передумалъ и перечувствовалъ, мнѣ въ послѣднюю минуту какъ будто было жаль разставаться съ насиженнымъ мѣстомъ, съ людьми, съ которыми я успѣлъ за это время близко сойтись и къ которымъ уже успѣлъ привыкнуть... Да, сила привычки—великая сила!..

Смотритель, прощаясь со мной, крѣпко жалъ мою руку и съ замѣтнымъ волненіемъ въ голосѣ говорилъ: „желаю вамъ поскорѣе выйти на волю“!..

Тюремный священникъ, случайно находившійся при моей отправкѣ въ тюремной конторѣ, тоже желалъ мнѣ скорого освобожденія...

На вокзалъ меня жандармы доставили тайкомъ, точно какую краденую вещь, и до отхода поѣзда помѣстили въ жандармскую комнату.

Ровно въ полночь поѣздъ тронулся и помчалъ меня къ туманной столицѣ, на берега красавицы Невы, къ неизвѣстному будущему...

На гостепріимныхъ берегахъ Невы я долго загостился, но объ этомъ расскажу когда-нибудь потомъ, въ дни счастливые...

М. Сафоновъ.

